

ДОСТОЕВСКИЙ В РАБОТЕ НАД РОМАНОМ «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»

Достоевский писал брату 30 сентября 1844 г.: «Я кончаю роман в объеме „Eugénie Grandet“. Роман довольно оригинальный. <...> Отдам в „Отечественные записки“. (Я моей работой доволен). <...> Я чрезвычайно доволен романом моим. Не нарадуюсь» (28₁, 100—101). 30-е же сентября — дата последнего письма Макара Алексеевича Девушкина в «Бедных людях». Роман окончен. Случайно ли это совпадение? Насколько произвольны все остальные даты писем героев первого романа Достоевского, какую функцию они выполняют? В. В. Виноградов, анализируя архитектуру романа, связывает датировку писем — от весны к осени — с динамикой художественного действия, обусловленной эмоционально соответствующими психологическими переживаниями как Макара Девушкина, так и Вареньки.¹ В. Е. Ветловская, вскрывая внутренний символический смысл романа, находит дату первого письма Макара — 8 апреля — днем, последующим за радостным седьмым днем сотворения мира.² Если принять подобное толкование, то необходимо объяснить с этой же точки зрения все последующие даты. Заметим, что восьмым днем творения по библейской мифологии должен быть день, следующий за днем отдыха; как явствует из текста романа, первое письмо Макара Алексеевича написано в субботу, так как «завтра» он собирается увидеть Вареньку «у всеобщей», т. е. на воскресной церковной службе. Справившись в «Хронологическом справочнике», выясняем, что в 1844 г. 8 апреля действительно приходилось на субботу. Опять совпадение?

В русле традиции эпистолярных романов, стоящих у истоков жанра романа Достоевского, столь точная датировка писем героев (указание числа и месяца) не встречается. В романе Ричардсона «Кларисса», с героем которого Ловласом сравнивает Ратазьев Макара, узнав о его переписке с Варенькой, в «Юлии, или Новой Элоизе» Руссо, в эпистолярных романах Леанара «Тереза и Фальдони» и «Жак» Жорж Санд письма влюбленных обозначены либо порядковыми номерами, либо указанием адресата. Следуя этой традиции, и Пушкин, начиная «Роман в письмах», дал письмам лишь порядковые номера. Указывая дату письма, Достоевский мог ориентироваться на

¹ Виноградов В. В. Сюжет и архитектура романа Достоевского «Бедные люди» // Творческий путь Достоевского. Л., 1924. С. 90.

² Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988. С. 65.

«Страдания юного Вертера» Гете, где письма-исповеди героя являются скорее его лирическим дневником и имеют в большинстве случаев полную датировку.

Глубокому и истинному прочтению произведения, обоснованной его интерпретации способствует изучение всех аспектов его творческой истории. Совокупность сведений об общем направлении творческой работы Достоевского над романом «Бедные люди» из-за отсутствия рукописных и документальных материалов «может быть лишь гипотетической» (1, 465). Однако реконструкция генетических процессов при создании романа позволяет раскрыть импульсы, способствующие его становлению. В данном случае небезразличны такие стороны творческой истории, как общие обстоятельства работы писателя, состояние его духа, характер творческих переживаний, установление точной датировки, соотнесение романа с тем, как выглядит реальный мир вне текста произведения. Автобиографический метод в свое время подвергся справедливой критике, но увлеченность анализом текста приводит к другой крайности.

I

Отбросив версии, восходящие к поздним мемуарам К. А. Трутовского и А. П. Савельева, о начале работы над романом «Бедные люди» еще в Инженерном училище,³ обратимся к фактам, способствовавшим духовному росту, формированию будущего писателя во время пребывания в училище, которые ранее не привлекали пристального внимания исследователей.

Достоевский, вступив в Инженерное училище восторженным шестнадцатилетним юношей, с одной стороны, с увлечением читавшим «Библиотеку для чтения» Сенковского и с другой — поклонником молодого преподавателя словесности в пансионе Л. Чермака Н. И. Билевича, воспитавшего у своего ученика культ Шиллера и Пушкина.⁴ окунулся в атмосферу преобладания математических дисциплин, фрунта, технического черчения. Однако в кондукторских классах Инженерного училища наряду с алгеброй, геометрией и фортификацией преподавались довольно серьезные курсы истории, русской и французской словесности. Они предполагали на каждый из названных предметов по две лекции в неделю по два часа. Обучение французской словесности происходило по книге французского писателя и переводчика И. И. Ферри де Пиньи «Курс французской литературы» для высших учебных заведений⁵ (СПб., 1830), имевшей в свое время значительный успех,⁶ и книге преподавателя Инженерного училища Курнанда «De la Composition». Курс предполагал упраж-

³ См.: Рус. обозрение. 1893. № 1. С. 215; Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского. СПб., 1883. Отд. 1. С. 43.

⁴ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821—1849. М., 1979. С. 50.

⁵ Максимова М. Исторический очерк развития Главного Инженерного училища. 1819—1869. СПб., 1869. С. 65.

⁶ См.: Голос. 1881. 9 янв. № 9.

нения в переводах с французского и сочинениях.⁷ Письма Достоевского свидетельствуют о глубоком интересе его к французской литературе, в 1839 г. он даже абонируется во французской библиотеке; о хорошем знании языка свидетельствует и круг авторов, которых он переводит или собирается переводить в начале 1840-х гг. — это Сю, Санд, Бальзак. М. М. Достоевский, не учившийся в училище, предпочитает переводы с немецкого.

Об особом интересе Достоевского к лекциям преподавателя истории Турунова упоминает А. И. Савельев,⁸ он же писал, что в руках кондуктора Достоевского он часто видел «книги серьезного содержания, между прочим: Масиньона».⁹ По предположению А. Астахова, занимающегося разысканиями, связанными с пребыванием Достоевского в Инженерном училище, это была книга Ф. Ансиньона «Изображение переворотов в политической системе европейских государств», переведенная с французского на русский язык, как следует из архивных материалов Инженерного училища, преподавателем Туруновым.¹⁰

Занятия в классах российской словесности проводились «по книге, изданной преподающим историю русской литературы коллежским ассессором Плаксиным». Курс состоял из «истории литературы с практическим упражнением кондукторов в сочинениях».¹¹

Достоевский, перечисляя в письме к брату Михаилу от 1 января 1840 г. курсы кондукторских классов, писал: «Истории у нас курс преполнейший и преогромнейший < . . . > Словесность и литература русская — Плаксина, который сам учит у нас» (28₁, 67).

В. Т. Плаксин (1796—1869) был безусловно незаурядной личностью. Он преподавал российскую словесность во многих военно-учебных заведениях Петербурга. Его слушателями были будущие офицеры Морского кадетского корпуса, Артиллерийского училища, Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где его лекции конспектировал Лермонтов,¹² а также студенты Академии художеств. С 1829 г. имя Плаксина начинает появляться на страницах периодической печати как автора различных рецензий; он один из участников «Энциклопедического лексикона» Плюшара; он рассказывает своим слушателям в 1-м кадетском корпусе о своем личном знакомстве с Пушкиным¹³ и приветствует Лермонтова как «будущего поэта России», прочтя «Хаджи Абрека».¹⁴ В 1832 г. вышел его «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим сочинениям», который в 1844 г. был переиздан уже в четвертый раз. Кроме того, под несколько измененными названиями перепечатывались различные

⁷ Максимовский М. Исторический очерк. . . С. 64.

⁸ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 1. С. 101.

⁹ Савельев А. И. Памяти Д. В. Григоровича // Рус. старина. 1900. № 8. С. 332.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 312, оп. 1, д. 1441, л. 1. Сообщено А. Астаховым.

¹¹ Максимовский М. Исторический очерк. . . С. 64.

¹² Назарова Л. Н. Лермонтов в школе юнкеров // М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. М., 1979. С. 140—145.

¹³ Ист. вестн. 1901. № 9. С. 963—964.

¹⁴ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 146.

модификации этого курса: «Руководство к познанию истории литературы», «Учебный курс словесности с присовокуплением предварительных понятий о человеке», «Руководство к изучению истории русской литературы», «История русской литературы». Что представляли собой эти курсы, прослушанные в училище Достоевским?

Курс словесности Плаксина был традиционен. Рецензенты отмечали его компилятивность.¹⁵ В предисловии к одному из них он ставил свой труд в прямую зависимость от «Опыта краткой истории русской литературы» Н. И. Греча: «Долгом считаю объявить, что материальными знаниями русской литературы я обязан сей книге столь много, что не только знание, но и само желание знать литературу родилось во мне уже после прочтения сей книги».¹⁶ Здесь же Плаксин формулировал свою основную педагогическую цель — «воспитывать юношество в духе того общества, в котором мы живем»,¹⁷ а главным средством для достижения этой основополагающей цели он провозглашал «положительное знание и преимущественно связанное, систематическое изложение знаний».¹⁸ Бегло изложив во вступлении начала еврейской, индийской, греческой, римской, итальянской и скандинавской литератур, Плаксин в основной части курса в соответствии со своей системой разделял историю русской литературы на пять периодов. В первом периоде — «языческом» — разбирались народные песни, предания, пословицы и поговорки; затем следовал период «борьбы за торжество христианства», связанный с развитием духовной, летописной литературы; следующий раздел характеризуется появлением «ученых писателей из среды духовенства», к ним автор относил ораторские сочинения Лазаря Барановича, Дмитрия Ростовского и «Сатиры» Кантемира; «ложноклассической словесности» в курсе отводилось основное место, подробно разбирались произведения Ломоносова, Сумарокова, Прокоповича; заключал курс раздел «романтическая литература, или возвращение ее к народности», начало периода Плаксин связывает с подъемом 1812 г. и появлением «Истории» Карамзина. Первые разделы отличаются в достаточной мере объективным изложением и полнотой фактов, опирающихся на курсы словесности А. Ф. Мерзлякова, Н. Ф. Кошанского. Во взгляде Плаксина на успехи новейшей русской словесности чувствуется особенная близость автору таких писателей, как Сенковский, Кукольник, Греч. Отдавая должное таланту Пушкина и подробно излагая ранний период его творчества, Плаксин в разборе «Бориса Годунова» повторяет во многом свою рецензию о трагедии 1831 г. в «Сыне отечества»,¹⁹ в которой отзывался о ней довольно неблагоприятно.²⁰ По словам

¹⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Ч. 106. Отд. II С. 44—48.

¹⁶ Руководство к познанию истории литературы, составленное . . . Василием Плаксиным. СПб., 1833. С. VIII.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Плаксин В. Т. История русской литературы. СПб., 1841. С. VII.

¹⁹ Сын отечества. 1831. № 25—26. С. 281.

²⁰ Рецензия Плаксина вызвала весьма критическую оценку Кюхельбекера: «Разбор „Бориса Годунова“, который сегодня прочел я в „Сыне отечества“,

рецензента, трагедия представляет собой «драму в отрывках», главные ее недостатки в том, что она не имеет «ни единства, ни полноты», так как вначале действие вращается вокруг Годунова, а уж с четвертой сцены «действие проистекает из Самозванца», так что «Бориса уж нет», а также в «отсутствии всякого характера в Борисе». Закljučая разбор «Бориса Годунова», Плаксин писал: «Ясно, что Пушкин не созрел еще для драмы».²¹ Не оценил Плаксин и таких произведений, поставленных им в один ряд, как «Домик в Коломне», воспринятый им как «легкая шутка без идеи», и «Медный всадник» — также, по его мнению, произведение, которое «не выражает никакой общей мысли».²² Недаром Белинский, назвав Плакстина «схоластом», горько иронизировал над его словами: «Пушкин подарил нам чудную „Пиковую даму“, которая невольно напоминает „Черную женщину“».²³ Плаксин заключал главу о Пушкине в своем курсе словами: «Поэт много, много обещал для нашей литературы; но обещания не исполнил».

Разбор творчества Лермонтова Плаксин впервые дал во втором издании «Руководства» (1846), однако несомненно он упоминал бывшего своего ученика в живом лекционном курсе. Он находил, что «превосходство Лермонтова перед многими современными поэтами несомненно», но тут же добавлял, что не может «безусловно согласиться с журнальными возгласами и временным увлечением модного мнения, что он мог бы вполне заменить Пушкина».²⁴ Его высказывания полемически направлены против Белинского, считавшего Лермонтова главной послепушкинской периподой литературы. Особенно это сказалося в оценке Плаксиним «Героя нашего времени»: «Прочтите „Герой нашего времени“, который, по мнению его приверженцев, есть лучшее его создание; — и вы не найдете ни основной идеи, ни силы творчества, ни очарования искусства; это простой, но верный список с самой дурной натуры, которая не стоит искусства; — это осмеянный им мир! Такова большая часть его произведений».²⁵

Плаксин упорно противопоставлял и ставил в пример Гоголю Кукольника, он заявлял, что «занимательно забавный» и «простодушно милый» Гоголь — «это не жрец искусства, а шаловливый предатель природы < . . . > красоты его произведений принадлежат не искусству, а природе, и характер их совершенно зависит от тех предметов, которые он изображает. В выборе же предметов он не советуется со вкусом; < . . . > Словом: Гоголь теперь дает искусству

из рук вон: Diese Kritik ist unter aller Kritik (эта критика хуже всякой критики)» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 452).

²¹ Плаксин В. Т. Руководство к изучению истории русской литературы. 2-е изд. СПб., 1846. С. 380.

²² Руководство к познанию истории литературы, составленное . . . Василием Плаксиним. С. 341.

²³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 2. С. 197.

²⁴ Плаксин В. Т. Руководство к изучению истории русской литературы. С. 396—397.

²⁵ Там же. С. 398.

направление хирургии, которая не хочет знать здоровых членов, и ищет только гнилых».²⁶

К. А. Трутовский сохранил в памяти впечатление от самостоятельности взглядов Достоевского на творчество Гоголя: «Он просто открывал мне глаза и объяснял глубину и значение произведений Гоголя. Мы, воспитанники училища, были очень мало подготовлены к пониманию Гоголя, да и немудрено: преподаватель русской словесности Плаксин изображал нам Гоголя как полную бездарность, а его произведения называл бессмысленно грубыми и грязными».²⁷

В своем обзоре современной журналистики Плаксин выделяет «Библиотеку для чтения», журнал, основная заслуга которого, по его мнению, в том, что он «удачно умел сблизить глубокую ученость с легкой светскостью», а это и есть «главное назначение журналистики».²⁸ Сравнивая далее «Библиотеку для чтения» с «пагубно завладевшими умами юного поколения „Отечественными записками“», Плаксин, отдав должное отделу «изящной словесности» как напечатавшему «много прекрасных переводов», обвинил журнал в отсутствии в нем истинно «отечественного» и открыто нападал на отдел литературной критики. Она, по его мнению, отличается «фантастической нетерпимостью», «аристократичностью тона», «самостоятельна до упрямства» и «оригинальна до чудовищности».²⁹ Белинский в рецензии на «Опыт истории русской литературы» А. В. Никитенко, обозревая все книги, претендующие знакомить читателей с историей русской литературы и отдавая в этом разборе должное «Опыту краткой истории русской литературы» Н. И. Греча как полезной «справочной книге», о «Руководстве к познанию литературы» Плаксина писал: «Эта книга — поверят ли? — далеко ничтожнее книги г. Греча . . . Впрочем, все учебники и ученые сочинения такого рода равно никуда не годятся по совершенному отсутствию в них всякого начала, которое проникало бы собою все их суждения и приговоры и давало бы им единство».³⁰

II

Из приведенного выше ясно, что курс Плаксина, прослушанный Достоевским с 1838 по 1841 г., если и дал ему систематические знания по истории литературы, то никак не мог удовлетворить неистового поклонника Пушкина и Гоголя в знакомстве с текущим литературным процессом. Взволнованные строки писем Достоевского к брату Михаилу свидетельствуют, что лекции Плаксина прослушивались им с тем же «необходимым интересом», как и курс «дифференциальных счислений», а будущий писатель с нетерпением отдавался

²⁶ Там же. С. 420—421.

²⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 107.

²⁸ Плаксин В. Т. Руководство к изучению истории русской литературы. С. 441.

²⁹ Там же. С. 444—445.

³⁰ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 149.

жарким беседам о литературе со своим старшим другом И. Н. Шидловским.

«Он был идеалист, и любимой его темой для разговоров служили большей частью предметы отвлеченные; к тому же он был поэт, писал стихи так же легко и свободно, как говорил», — вспомнил о Шидловском его друг Н. Решетов.³¹ Характер взаимоотношений Достоевского и Шидловского достаточно подробно отражен в работах М. П. Алексеева и В. С. Нечаевой.³² В них акцентировался романтический настрой Шидловского, увлеченного поисками ответов на философские вопросы о смысле жизни, как бы комментировались строки из письма Достоевского, защищавшего Шидловского в мнении брата о нем: он «прекрасное, возвышенное создание, правильный очерк человека, который представили нам и Шекспир и Шиллер», готовый «пасть в мрачную манию характеров байроповских» (28₁, 68). Сохранившееся огромное единственное письмо Шидловского к М. М. Достоевскому, обильно цитируемое В. С. Нечаевой, совершенно по-новому освещает характер, тематику бесед друзей в период их наибольшей близости в 1839 г. Шидловский не только романтический поэт, он человек, увлеченный живой литературной журнальной жизнью, он читает и оценивает последние номера «Сына отечества», «Московского телеграфа», «Современника», близко знаком с Н. Полевым, он в курсе готовящихся новых переводов Струговичкова, оканчивающего «с возможной верностью перевод Гетева „Фауста“ и „Прометея“; язык его чист, ровен; стихи благородны и звучны, не то что Губеровские»,³³ и, главное, Шидловский обособно выводит свое заветное желание стать журналистом, которому не суждено сбыться из-за отсутствия средств, пониманием общественной роли журналистики.

Возможно, именно Шидловский привлек внимание кондуктора третьего класса Достоевского к только что появившейся книжке «Отечественных записок» под редакцией Краевского; он писал: «„Отечественные записки“ огромным тяжелым томом, будто голиафовой головой, вышли из утробы Краевского, который до сей поры был только прибавлением в литературе, издавая литературные прибавления, подобно Репетилову, неисправимые, хоть брось. Бог весть. Ежели все будущие номера „Отечественных записок“ будут достоинством соответствовать первому, обличившему разнообразие предметов, приятность, хотя не донельзя, чистого слога, мысли, параллельные европейской современности, то мы можем поздравить себя с лестным приобретением, которое уже не „Библиотеке“ чета! < . . . > Как весело быть современником такого стремления вперед! Кто-то будет гением, властелином нового времени, средоточающим звеном его!».³⁴

³¹ Решетов Н. Люди и дела давно минувших дней // Рус. архив. 1886. № 10. С. 226.

³² Алексеев М. П. Ранний друг Достоевского. Одесса, 1921; Нечаева В. С. Ранний Достоевский. С. 72—78.

³³ ГБЛ, ф. 93. II.

³⁴ Там же.

Достоевский стал постоянным читателем «Отечественных записок», которые создали не только «нового читателя, которого не могли удовлетворить „Библиотека для чтения“ Сенковского и „Северная пчела“ Булгарина»,³⁵ но и нового писателя. Именно в «Отечественные записки» без тени колебания собирался отдать свой первый роман Достоевский в сентябре 1844 г.

Шидловский, заканчивая свое январское письмо 1839 г., как бы мимоходом замечает: «Дума „Христос“, полагаю, явится в мартовской книжке „Сына отечества“, ежели у Вас не водится журнала этого, то я пришлю Вам вырванные листы». При просмотре «Сына отечества» за 1839 г. стихотворения Шидловского не обнаружено, зато в шестом, ноябрьском, томе за 1838 г. значится за полной подписью И. Н. Шидловского неизвестное ранее стихотворение «Небо». Оно наполнено всеми характерными атрибутами романтического стиля 1830-х гг. («солнце пурпурное», «грустные звезды», «мрачные липовые тучи», «стоны громовые»).³⁶ Подобными стихами был увлечен Достоевский, и, возможно, именно это стихотворение Шидловского (с которым Достоевский мог познакомиться до выхода журнала) он имел в виду, когда писал брату 31 октября 1838 г.: «Ах, скоро, скоро перечитаю я новые стихотворения Ивана Николаевича. Сколько поэзии! Сколько гениальных идей!» (28₁, 55). Следом за стихотворением Шидловского в журнале были опубликованы первые стихи никому еще не известного Н. Некрасова «Безнадежность» и «Человек», которые, без сомнения, были также прочитаны Достоевским, и, возможно, при сравнении стихов преимущество было отдано Шидловскому. Д. В. Григорович вспоминал, что прочитанный в училище сборник Некрасова «Мечты и звуки» на Достоевского «не произвел впечатления» и он «с полным равнодушием» воспринял рассказы Григоровича о знакомстве с автором сборника.³⁷

Литературные успехи Шидловского давали дополнительный толчок творческим попыткам самого Достоевского. Он, правда, не писал стихов, но его драматические опыты также могли вдохновляться теоретическими рассуждениями старшего друга, нападающего на драму Гюго «Эрнани» и критикующего «Уголино» Полевого (для Шидловского «драма должна быть историей страстей, книгой жизни человека, где своенравный случай не может иметь места»³⁸), а также его драмой «Мария Симонова», о которой Достоевский писал брату с восхищением (28₁, 68).

³⁵ Лотман Л. М. *Натуральная школа и проза начала 1850-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 586—587.*

³⁶ *Сын отечества. 1838. Т. VI. № 11. Отд. I. С. 16—17.*

³⁷ *Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 48—49.*

³⁸ ГБЛ, ф. 93. II.

Известно, что в Инженерном училище в 1840—1841 гг., уже после отъезда Шидловского из Петербурга, Достоевский писал и даже читал друзьям драмы «Борис Годунов» и «Мария Стюарт». А. Е. Ризенкампф вспоминал, что тему Марии Стюарт он стремился «обработать < . . . > по-своему», для чего принялся за «историческое чтение». При этом Достоевский не мог не заинтересоваться статьей Филарета Шаль «Мария Стюарт. Новые бывшие доселе неизвестными сведения ее жизни», опубликованной «Отечественными записками».³⁹ Биография Марии Стюарт была написана на основании новых документальных источников, автор стремился убедить читателей, «что трагедия, разыгрываемая человечеством в мире действительном, гораздо занимательнее и ужаснее художественных созданий Бальтера (Скотта, Гомера и Шекспира), а Мария Стюарт «была женщина падшая и лучезарная, неукротимая и слабая, нежная и высокомерная, с душою властолюбивою, с умом превосходным».⁴⁰ Для Достоевского обращение к изображению реальной женской судьбы могло стать первым уроком на пути к созданию художественного произведения, основанного на новых для него эстетических требованиях, преодолению юношеских романтических художественных идеалов. В той же апрельской книжке «Отечественных записок» Достоевский, читая в статье Белинского «Разделение поэзии на роды и виды», что «в романе совсем не нужно, чтоб Ревекка была непременно царица, или героиня вроде Юдифи: для него нужно только, чтоб она была женщина»,⁴¹ находил подтверждение своим размышлениям. Белинский, порывавший здесь с теорией «объективности» в искусстве, во многом переоценивший «Ревизора» Гоголя, по-новому истолковывал значение драматического искусства: «Герою драмы должна быть сама жизнь < . . . > Драматизм состоит < . . . > в живом действовании разговаривающих одного на другого. Если, например, двое спорят о каком-нибудь предмете, тут нет не только драмы, но и драматического элемента; но когда спорящиеся, желая приобрести друг над другом поверхность, стараются затронуть друг в друге какие-нибудь стороны характера, или задеть за слабые струны души, и когда через это в споре выказываются их характеры, а конец спора ставит их в новые отношения друг к другу, — это уже своего рода драма».⁴² Мысли Белинского о характере драматического искусства могли быть для начинающего автора, находящегося в поисках художественной формы, очень символическими при выработке собственной формы современного романа-трагедии.

О литературных занятиях Достоевского в последние два года, проведенные в Инженерном училище, сведений почти не имеется. Он прожил эти два года вне стен Инженерного училища, снимая квар-

³⁹ Отеч. зап. 1841. Т. XV. № 4. Отд. II. С. 94—124.

⁴⁰ Там же. С. 97, 123.

⁴¹ Там же. С. 42.

⁴² Там же. С. 61.

тиру вместе с кем-либо из товарищей. Очень неточные и поверхностные сведения об этом периоде находим у А. Е. Ризенкампа, который пишет об увлечении Достоевского театром, музыкальными вечерами, балетом, балами и маскарадами,⁴³ кроме того, он был занят, конечно, подготовкой к серьезным выпускным экзаменам. По результатам экзаменов офицеры старшего класса Инженерного училища делились на три разряда. К первому относились учащиеся, получившие средний балл не менее 10, в поведении 11 и ни в одном предмете не менее 8 баллов. Они выпускались прапорщиками в лейб-гвардии саперные батальоны, конно-пионерные эскадроны или в полевые инженер-поручики. По второму разряду выпускались офицеры, «получившие в сложности 8 баллов, причем в поведении, фортификации, строительном искусстве, проектах фортификационных и строительных должны иметь не менее 8 баллов в каждом предмете и ни в одном из остальных не менее 7 баллов». Они отправлялись в полевые инженеры подпоручиками.⁴⁴ Вот по этому второму разряду был выпущен из Инженерного училища Достоевский в августе 1843 г. и зачислен в инженерный корпус «с употреблением при чертежной Инженерного департамента». По словам Ризенкампа, служба Достоевского «ограничивалась ежедневным (кроме праздников) хождением в Инженерный замок, где он с 9 часов утра до 2-х часов пополудни занимался при Главном инженерном управлении».⁴⁵ При этом Достоевский вполне мог отождествить себя со своими будущими героями — мелкими чиновниками, тем более что чин полевого инженер-подпоручика соответствовал XIII классу табели о рангах.⁴⁶ Служебные занятия не только не удовлетворяли Достоевского, но приводили его в крайнее раздражение. «Служба надоедает. Служба надоела, как картофель» (28₁, 89), — пишет он брату. А. И. Савельев вспоминал, что «нередко его чертежи (планы и фасады зданий, караульни с их платформами и пр.), составленные им неправильно, без масштаба, возвращались обратно в инженерную команду с выговором или с саркастической заметкой < . . . > их автору».⁴⁷

В фельетон 1861 г. «Петербургские сновидения», воспроизводящий в целом атмосферу внутреннего преображения писателя, проникли и факты его реальной биографии: «. . . когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники. . .» — и далее: «. . . я сам обзавелся < . . . > смиренным местечком, самым смиренным из всех местечек на свете. . .», «. . . я. . . я служил примерно, но только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе < . . . > разворачиваю Шпллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире. . .» (19, 70—71).

Из переписки и мемуаров представляется, что в конце 1843 и первые месяцы 1844 г. Достоевский целиком посвящает свободное

⁴³ Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 330.

⁴⁴ Максимовский М. Исторический очерк. . . С. 89—90.

⁴⁵ Лит. наследство. Т. 86. С. 330.

⁴⁶ Шенелев Л. Е. Отмененные истории: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977. С. 32.

⁴⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 104.

время переводам, связывая с именами Бальзака, Сю и Санд свое будущее поприще, однако именно к январю 1844 г. можно, без сомнения, отнести тот «прилив могущественного, но доселе незнакомого < . . . > ощущения прозрения», которое он связывает с «фантастическим видением на Неве» (19, 69—70) и которое знаменует резкий перелом в художественном мировоззрении писателя.

Этот миг «прозрения» удивительным образом совпал с советом Белинского, обращенным к молодым литераторам в обзоре «Русская литература в 1843 году», опубликованном в январском номере «Отечественных записок»: «. . . берите содержание для ваших картин в окружающей вас действительности и не украшайте, не перестройте ее, а изображайте такую, какова она есть на самом деле, да смотрите на нее глазами живой современности, а не сквозь закоптелые очки морали, которая была истинна во время оно < . . . > Идеалы скрываются в действительности; они не произвольная игра фантазии, не выдумки, не мечты».⁴⁸

Белинский обозначил переживаемый литературный кризис и признал, что новое время выдвигает новые требования, более трудные для исполнения, чем прежде: «Время детских восторгов прошло, и настает время мысли».

Было бы ошибкой считать приведенные строки Белинского непосредственным толчком к внутреннему перерождению эстетических принципов и творческих замыслов Достоевского. Но если сопоставить его признание в письме к брату от 24 марта 1845 г.: «Брат, в отношении литературы я не тот, что был тому назад два года. Тогда было ребячество, вздор» (28₁, 108) — с его позднейшими воспоминаниями о том, что ко времени работы над своим первым романом он уже несколько лет с увлечением читал Белинского, то не будет преувеличением отметить близость их эстетических позиций.

К марту—апрелю 1844 г. Достоевский освобождается от всех своих прежних обязательств. Закончен перевод «Евгении Гранде», лопнул замысел издать перевод романа Жорж Санд «Последняя Альдини», уезжает О. Паттон, с которым был задуман перевод «Матильды», живший вместе с Достоевским на квартире Ризенкампф покидает Петербург, отправившись на службу. По справедливому наблюдению М. Г. Гиголова, «одиночество — одна из типичнейших и традиционных черт, свойственных рассказчикам Достоевского».⁴⁹ В этом отношении рассказчики близки создателю. «Прозрев» и «вдруг оставшись один», Достоевский неожиданно рассмотрел «в каких-то темных углах какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная» (19, 71). Одиночество — главная предпосылка писем Макара Девушкина, оно же способствует развитию потребности сочинительства как диалога с самим собой и для Достоевского.

⁴⁸ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 89.

⁴⁹ Гиголов М. Г. Типология рассказчика раннего Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1987. Т. 8. С. 12.

В любом художественном произведении одной из основных творческих задач является развитие действия во времени. Для Достоевского характерна необычайная быстрота действия. События в «Двойнике» происходят четыре дня, в «Дядюшкином сне» — один, в «Селе Степанчиково» — два, в «Идиоте» — девять, «Подростке» — семь, в «Братьях Карамазовых» — шесть дней. Исследователи отмечают и точность хронологии произведений Достоевского, начальный момент всегда известен вплоть до дат.⁵⁰ В «Бедных людях» романное время четко ограничено датами первого и последнего письма — с 8 апреля по 30 сентября. Придя к заключению, что замысел романа у писателя определился к апрелю 1844 г., позволим себе допустить, что дата первого письма Макара Алексеевича к Вареньке совпала с реальной датой начала работы над романом. Газеты писали, что суббота 8 апреля была солнечным теплым днем, в Петербурге «разошлась Нева».⁵¹ Реальные события соответствуют радостному ощущению Макара Алексеевича от весеннего утра, когда «растворили окошко; солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживает» (1, 14). Герою романа и его автору, который собирается к сентябрю быть уже в отставке (28₁, 89), представляется «всё в розовом цвете».

Роман «Бедные люди» задает то двойное прочтение, которое в дальнейшем будет присуще всем произведениям Достоевского: через текст к личности автора и через автора к многоплановости художественного текста, ведь для него глубоко характерна особая исповедальность творчества.

С одной стороны, исповедь — это одно из «христианских таинств» как покаяние за содеянное, но, с другой — исповедь близка дневнику, предполагающему письменную фиксацию событий личной жизни и связанных с ними душевных переживаний, размышлений, с формальной датировкой каждой записи.

Дневниковая интонация свойственна эпистолярному жанру романа Достоевского. Форма, выработанная писателем, где авторский объективный взгляд якобы отсутствует, не только очень удобна для незаметного включения элементов личной критической оценки событий, мнений, литературных произведений, как считал В. Б. Шкловский,⁵² но дает также возможность проследить, как эмоциональный тон писем Макара зависит и взаимосвязан с реальным эмоциональным настроением, внутренним психологическим состоянием их автора. Возможно, это происходило независимо от воли писателя. Ведь воля автора выражается в романе в сфере объективной логики судьбы и самосознания героев. В единственном авторском комментарии к роману Достоевский ставит себе в заслугу, что «рожу сочинителя» (28₁, 117) он не обнаруживает, уклоняется от выявления своего «я».

⁵⁰ См.: Волошин Г. Пространство и время у Достоевского // *Slavia*. 1933. № 1—2. С. 169—172.

⁵¹ Лит. газ. 1844. 27 апр. № 16 (Смесь).

⁵² Шкловский В. Б. Собр. соч.: В 3 т. М., 1974. Т. 3. С. 168.

Однако, приняв гипотезу, что даты писем в романе совпадают с реальным временем, можно попытаться разглядеть действительное душевное состояние «сочинителя» в его произведениях. О событиях жизни Достоевского весны—осени 1844 г. известно крайне мало. Тем не менее некоторые известные из писем Достоевского факты его повседневной жизни оказались отраженными в тексте романа. Например: Достоевский уведомляет П. А. Карешина, что, испытывая крайние денежные затруднения, «жалование < . . . > взял всё вперед в мае месяце» (28₁, 94), а Макар Алексеевич «решился издержать свое жалованье < . . . > забрав вперед» во время болезни Вареньки тоже в мае месяце (1, 64), в мае же он продает свой новый вицмундир (письмо от 20 мая).

Июнь и начало июля 1844 г. — время выхода в свет первого произведения Достоевского — перевода «Евгений Гранде» в «Репертуаре и Пантеоне». Он испытывает творческий подъем. С именами редакторов «Репертуара», Песочкин и Межевичем, связывает дальнейшие планы помещения переводов брата из Шиллера, извещает брата о «различных происшествиях», из которых «некоторые довольно благоприятны» (28₁, 89). Девушкин 21 июня замечает: «Я никогда моих дней не проводил в такой радости. Я вот в свет пустился теперь», 1 июля он получает «награждение» и строит самые радужные планы своей и Варенькиной благополучной жизни. Письмо Вареньки от 27 июля знаменует трагический перелом в эмоциональном строе романа, намеком вводится какая-то «история с офицерами», действие переносится в чиновничью среду сослуживцев Макара. В августовском письме к брату Достоевский уведомляет его: «Нужда заставила меня *попросить* *взаимы* у Меркурова». Под подчеркнутыми словами «попросить *взаимы*» он подписал: «понимаешь????» (28₁, 91), тем самым давая брату понять, чего стоило ему это обращение. Письмо Девушкина от 5 августа посвящено описанию его похода к некоему Маркову с той же целью занять денег: «. . . думаю, думаю, не убраться ли < . . . > и ведь, ей-ей, маточка, хотел убежать! < . . . > Я уж и к двери, да он-то вошел» (1, 78). Психологический узел сюжета «Бедных людей» связан с отсутствием у героя денег, в письмах Достоевского к П. А. Карешину от августа—сентября 1844 г. речь идет о тех же предметах, что и в письмах Девушкина, поразительно совпадая в деталях: о долгах, о неплатеже за квартиру, о «величайшей надобности в платье» и т. д.

11 августа Девушкин в смятении жалуется Вареньке: «Моя репутация, анбция — все потеряно. Я погиб < . . . > Бедствия тяжкие! — погиб я, просто погиб! безвозвратно погиб» (1, 79—80). Крик души Макара, воспринимаемый в сопоставлении с действительными событиями биографии писателя августа 1844 г., возможно, позволит прояснить нечто не совсем в ней ясное. В первые недели августа у Достоевского окончательно созрело решение подать в отставку. Имеется несколько версий, объясняющих причину столь категорического решения. Безусловно, здесь взаимодействовал целый комплекс причин, главная из которых — желание целиком отдаться литературному труду, тем более когда первые реальные шаги (публикация пере-

вода, успешная работа над романом) окрыляли писателя. Однако нельзя не учитывать и некоторые другие реальности. С. Д. Яновский в письме к О. Ф. Миллеру от 8 (20) ноября 1882 г. излагает «рассказ Федора Михайловича об отставке», переданный ему писателем под большим секретом, с обещанием не распространять его: «Как теперь помню, побледнев значительно в лице, Достоевский проговорил тихо, свойственным ему шепотком и покачивая головою: „Нельзя, не могу, скверную кличку мне дал государь, а ведь известно, что иные клички держатся до могилы; государь же назвал меня, да еще как на бумаге пером, дураком! < . . . > ну вот, батенька, я и оставил ту специальность < . . . >“. Подробности же < . . . > он мне передал в следующих словах: < . . . > „Я должен был < . . . > представить практическую работу на заданную тему. Работу эту я кончил, и она, быв рассмотрена и одобрена в Совете, поступила < на > окончательную апробацию императора Николая Павловича < . . . > государь как только взглянул на мой чертеж, тотчас увидал, что в изображенной мною крепости нет ни одних ворот! Эта моя ошибка, прошедшая незамеченно включительно до глаза директора, сразу была замечена царем, и он написал на моем чертеже: „Какой дурак это чертил“. Мне надпись эта была предъявлена в подлиннике; я видел ее покрытою клеєм и тот же час порешил: оставить то ведомство, в котором кличка эта, само собою разумеется, осталась бы за мною на всю мою жизнь и конечно имела бы влияние на всю мою служебную карьеру“». ⁵³ Разыскания, предпринятые О. Ф. Миллером ⁵⁴ и затем А. С. Долининым ⁵⁵ в архивах Инженерного ведомства с целью обнаружить документальные подтверждения рассказа Достоевского, не увенчались успехом, однако полностью игнорировать свидетельство Яновского оснований нет, учитывая приведенную выше характеристику чертежей Достоевского, которую дает А. И. Савельев. Сам Достоевский в письме к П. А. Карепину, описывая затруднения, вынудившие подать в отставку, прибавлял: «. . . ославленный офицер начнет весьма дурно свою карьеру» (28₁, 95).

21 августа — дата прошения Достоевского об отставке (30₂, 25), философские монологи писем Макара и Вареньки от 19 и 21 августа вызывают неясные ощущения новых надежд, ожидание довольства и счастья: «В моей судьбе всё переменялось и всё к лучшему переменялось < . . . > Теперь дурные времена прошли < . . . > Впереди всё так светло, хорошо!» (1, 94, 96).

15 сентября знаменует резкий поворот в сюжете романа, на сцене появляется «деловой человек» — Быков. Личные эмоции писателя в середине сентября 1844 г. были связаны с получением назидательного письма опекуна от 5 сентября, отказавшегося выслать деньги и пытающегося трезвым деловым расчетом разрушить надежды на освобождение от зависимости. Исход трагической судьбы Макара

⁵³ ИРЛИ, № 29918. Письмо Яновского, к сожалению, полностью не опубликовано.

⁵⁴ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. Отд. 1. С. 45.

⁵⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 405—406.

рисуеться с проекцией на свою судьбу: «. . . я остался один без надежды, без помощи, преданный всем бедствиям, всем горестям моего ужасного положения — нищете, нагоде, сраму, стыду. . .» (28₁, 101).

v

Значение литературного материала, введенного Достоевским в контекст романа, достаточно подробно проанализировано многими исследователями. Однако некоторые частные наблюдения дополняют общий литературный фон романа.

Как и для Достоевского, для Макара чтение является творческим импульсом, побуждением к «сочинительству», к выработке собственного «слога». Макар поначалу предстает поклонником сочинений, подобных роману Ратазаяева «Ермак и Зюлейка», являющемуся, по видимому, пародией Достоевского на исторический роман Докучаева «Ермак покоритель Сибири» (СПб., 1843), о котором «Отечественные записки» писали: «Это < . . . > вздорная сказка, к которой имя Ермака идет гораздо менее, чем к сказке о Семь Симеонах»,⁵⁶ — и почитателем «Пчелки». Заметим, что усердным читателем «Северной пчелы» летом 1844 г. был и Достоевский. Ряд заметок в ней, возможно, подсказал писателю отдельные мотивы его будущих произведений, другие не могли не обратить его внимания в силу личных причин. Так, В. С. Нечаева указала на очерк «Необыкновенная скупость», явившийся одним из источников сюжета рассказа «Господин Прохарчин».⁵⁷ Он опубликован в «Северной пчеле» 9 июня 1844 г. 13 июля — заметка «Обманутый вор», оканчивающаяся словами: «Как же вам не стыдно так обманывать честных людей! — отвечал вор и удалился»,⁵⁸ — напоминает оксюморон заглавия рассказа «Честный вор».

9 августа Достоевский не мог не прочесть рецензию Р. М. Зотова на первое исполнение на сцене Александрийского театра драмы Ф. Сулье «Наследство» в переводе Д. В. Григоровича. Зотов писал: «. . . видя имя г-на Григоровича на афише в первый раз, мы не решаемся судить строго о первой литературной попытке < . . . > Драма шла вовсе не дурно. Публика хлопала, кричала, вызывала; значит, цель переводчика достигнута».⁵⁹

12 августа в фельетоне В. Межевича «Журнальная всякая всячина», где сообщалось о смерти Баратынского и давался отчет о художественных выставках, взгляд Достоевского, возможно, задержался на строчках, удивительно близких его собственному восприятию картин Клода Лоррена: «. . . вот вечер Клод Лоррена. Перед вами богатый ландшафт. Вдали видно море. Как чудесно рисуются деревья на небе, освещенном последними лучами заходящего солнца! Эффект этого освещения удивительный».⁶⁰ Еще через несколько дней

⁵⁶ Отеч. зап. 1843. № 12. Отд. VI. С. 11.

⁵⁷ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. С. 164.

⁵⁸ Сев. пчела. 1844. 13 июля. № 157.

⁵⁹ Там же. 9 авг. № 180.

⁶⁰ Там же. 12 авг. № 183.

Межевич писал: «Скажите, ради бога, в наш просвещенный век можно ли верить в двойника, другого я, являющегося < . . . > с одним и тем же именем, с одними и теми же талантами, мыслями, чувствованиями? Литературные двойники существовать могут; но в существовании двойников человеческих мы по сию пору сомневались». ⁶¹

Уже в первом письме Макара его «мечтания» о «невинном счастье небесных птиц», взятые, как оказывается, «из книжки», в которой «сочинитель обнаруживает такое же желание в стихах и пишет — „Зачем я не птица, не хищная птица!“ . Ну и т. д. Там и еще есть разные мысли, да бог с ними!», — поднимают целый пласт вполне возможных реалий. Строка из «стишка», процитированная Макаром, является переводом из стихотворения М. Н. Петренко «Недоля»: «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю: Чому я не сокол, чому не літаю. . .». Оно было впервые опубликовано в цикле стихов Петренко «Думки», с эпиграфом из стихотворения Лермонтова «Молитва» — «В минуту жизни трудную Теснится в сердце грусть» — в альманахе «Сніп» в 1841 г. ⁶² Это была первая публикация молодого украинского поэта Михаила Петренко (1817—?). Он окончил Харьковский университет в 1841 г., был участником Харьковского кружка молодых украинских романтиков, который возглавляли А. Корсун, И. Бецкий, Н. Костомаров. ⁶³ Творчество Петренко не было оригинальным, он находился под значительным влиянием Лермонтова и особенно П. П. Козлова. Напомним, что выпускником Харьковского университета был и И. Н. Шидловский, в Харькове провел он зиму и лето 1838 г., сюда отправился он, покинув Петербург в 1840 г. Возможно, что по его рекомендации (несохранившаяся переписка Достоевского с Шидловским была очень интенсивна) альманах «Сніп» мог попасть в руки Достоевского. ⁶⁴ Стихотворение «Недоля», наиболее значительное произведение Петренко, впоследствии ставшее известным романсом, проникнуто элегическими размышлениями о суровой доле, об одиночестве («чужій я у долі, чужій у людей, кохаюся лихом и щастя не знаю, и гірко без долі свій вік каратаю») и заканчивается мечтой о «далеком небе», которое влечет в свою «тихую обитель». Надо отметить, что здесь же в альманахе в поэме П. Писаревского есть развернутое сравнение молодой девушки с весело порхающей в полях, лесах и небесах птицей, не имеющей своего гнезда. ⁶⁵ Так в круг чтения Макара Алексеевича добавляется еще одна «книжка», носящая явно выраженный романтический характер. На всем протяжении романа от первого до последнего письма проходит мотив формирования Девушкина как сочинителя («наблюдения мои бумаге предавал в виде дружеских писем» — вот, оказыва-

⁶¹ Там же. 9 сент. № 204.

⁶² Сніп. Український новорочник / Под ред. А. Корсуна. Харьков, 1841. С. 175—176.

⁶³ Антология украинской поэзии: В 2 т. М., 1954. Т. 1. С. 469—470.

⁶⁴ Альманах был довольно известен в Петербурге, его рецензировал и не раз упоминал его участников Беллинский (см.: *Беллинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 287—288; Т. 6. С. 539; Т. 12. С. 62).

⁶⁵ Сніп. С. 152—153.

ется, для чего была нужна ему переписка) и как критика литературы, о чем говорится с иронической интонацией. Отношение Макара к Пушкину, у которого он находит правду жизни, и к Гоголю, у которого лишь подглядывание, подсматривание за бедным чиновником, позображение грязи жизни, напоминает яростные нападки на Гоголя журналистов «Северной пчелы», «Библиотеки для чтения», «Русского вестника» и отношение к великим именам того же Плаксина. Примечательно, что оценка Макаром Девушкиным «Станционного смотрителя» и «Шинели» поразительно совпадает с позднейшим противопоставлением критикой романа «Бедные люди» Гоголю. Так, К. С. Аксаков в статье о «Петербургском сборнике», дав роману Достоевского отрицательную оценку, сравнил его с Гоголем, произведение которого пронизывает «общая высокая идея», а в «Бедных людях» есть лишь «отдельные места, истинно прекрасные», но общее впечатление — отсутствие просветленного чувства, которое есть у Гоголя.⁶⁶ Тем самым становится очевидным, что Достоевский в «Бедных людях» воспроизвел некоторые типологические черты восприятия критикой художественного произведения, когда легче воспринимается традиционное, а введение в искусство нового пласта жизни расценивается как забвение законов искусства.

Последнее послание Макара к Вареньке заканчивается словами: «. . . я пишу < . . . > и не перечитываю, и слогу не выправляю» (1, 108). Достоевский, закончив к октябрю 1844 г. первую редакцию «Бедных людей», сразу же начал «снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать» (28₁, 106), работа над романом вступила в новую стадию и продолжалась вплоть до мая 1845 г., но трудный период выработки новой формы («Роман довольно оригинальный» — 28₁, 100) был преодолен, художественная форма найдена.

⁶⁶ Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847. С. 28.